

Уильям Блейк

Сейчас, почти двести лет спустя, стал очевидным тот факт, что произведения Уильяма Блейка предназначались не для его современников. Всю жизнь он творил, обращаясь к своим потомкам, и по всей видимости сам это осознавал. Видеть полное равнодушие своих современников приносило ему немалое отчаяние, "Мои произведения более известны на небесах, нежели на земле" - так он говорил, и продолжал творить, надеясь на должное уважение и внимание своих потомков. Сегодня, окидывая общий взгляд на его творчество, мы можем понять, насколько он обогнал свое поколение, возможно, на век, а, возможно, и более. Прошли два столетия после его жизни, можно назвать, два столетия его забвения, и только сегодня Уильям Блейк становится настоящим должным кумиром. Например, в Великобритании его поэма "Иерусалим" стала чуть ли не вторым национальным гимном, а в Америке грандиозный успех имела выставка его живописных и граверных работ, проходившая в 2001 году в нью-йоркском музее "Метрополитен". Сегодня книги Блейка выходят огромными тиражами во многих странах, в том числе и в России, и они не залеживаются на прилавках. Растет количество переводов.

Феномен Блейка

Привлекает в Блейке не только его творчество, но и его загадочная личность. Привлекает его странная и незаурядная творческая судьба. Главная особенность его творческой жизни заключалась в том, что Блейк не был ни особенным поэтом, ни особенным художником, ни особенным философом. Мало того, его литературные труды очень часто идут вразрез нормам литературного английского языка, живопись часто противоречит общепринятым канонам, а философия его не всегда последовательна и логична. Однако если взять все его труды в совокупности, то они представляют собой нечто грандиозное, нечто завораживающее и величественное. В целом, его творческие труды являют собой вполне определенную завершенность, они представляют собой результат долгого, упрямого и глубокого искания творческой талантливой души. Блейка можно ценить прежде всего за то, что он пытался проникнуть во многие законы этого мироздания, понять и преподать саму духовность. Делал он это посредством написания литературных произведения (в стихах и прозе), дополняя их для лучшего усвоения многочисленными иллюстрациями. Такой литературный прием, объединяющий в себе философию, литературу и живопись, ранее никогда не встречался. Он особенный, и даже после Уильяма Блейка мало кто был способен на такое творческое подвижничество (в частности, Халиля Джебрана называют последователем приемов Уильяма Блейка). Однако остается признать, что именно такой неординарный прием творческого самовыражения как нельзя эффективно подходит Уильяму Блейку для того, чтобы выразить свои пророческие идеи, выразить свой просвещенный взгляд на чистоту духовности.

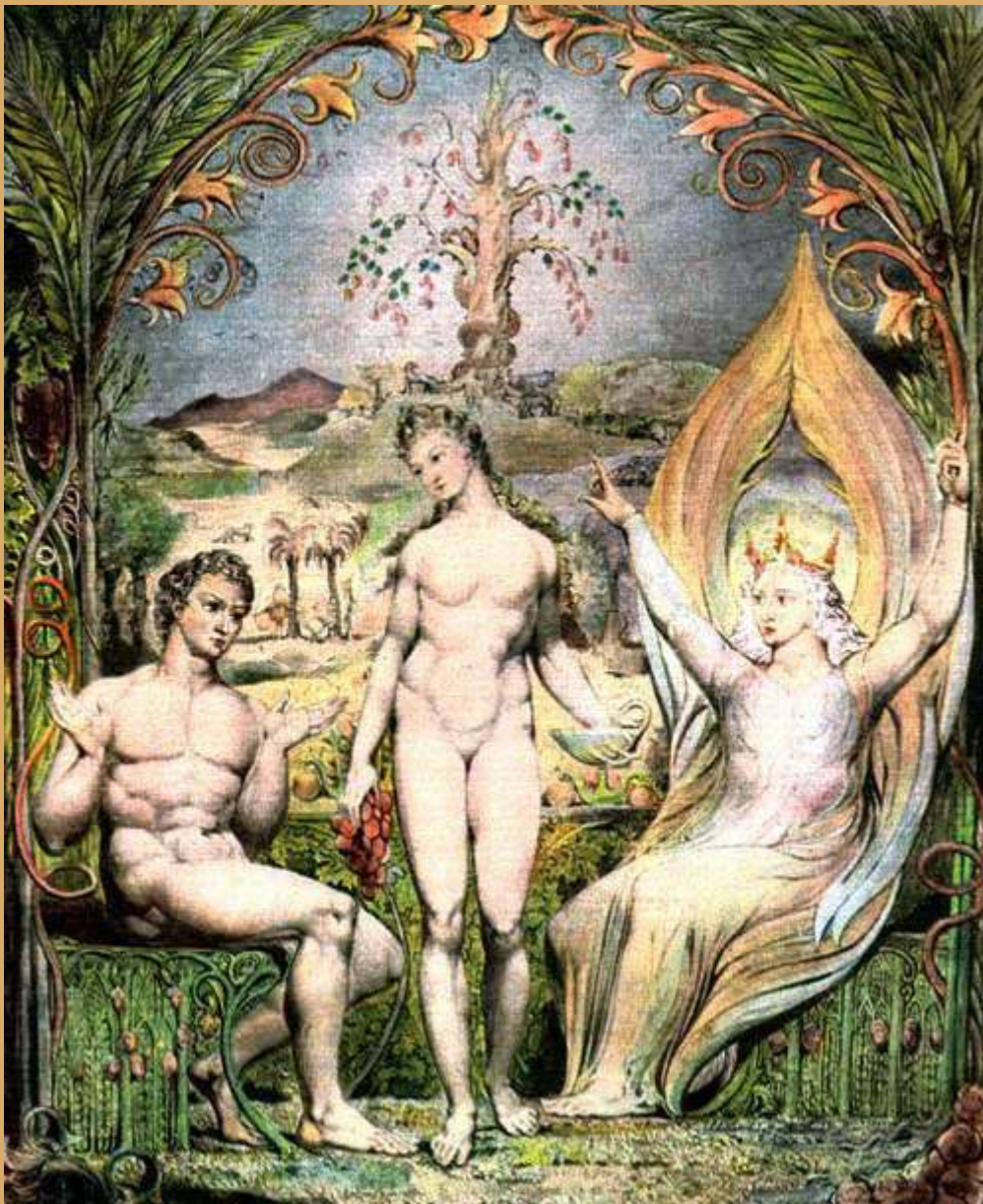
Произведения Блейка свидетельствуют нам о том, насколько был глубок и тонок внутренний мир автора. Он был совершенно не похож на тот, в котором живут остальные, что дает понять каков сам Блейк, и какова была его творческая миссия. Мы ясно осознаем, что человек, достигший подобного уровня самовыражения, был способен выходить за обычные условные рамки человеческого осознания, за пределы работы органов чувств и разума. На такое освобождение от условностей, углубленное восприятия реальности способен лишь только тот человек, кто всецело поглощен стремлением к духовности, к его

законам, его бытию. Таков уровень мировосприятия Уильяма Блейка. Отсюда возникает вполне закономерный вопрос: а не был ли он сам наделен чем-то особенным, позволяющим ему видеть мир другими глазами - более сложным и многообразным, не находился ли он на более высоком уровне человеческого осознания, иными словами, не обладал ли он действительно духовной самореализацией, чтобы быть способным так творить, так пропускать через себя окружающий мир?

Чистота духовности Уильяма Блейка, свободная от оков рационализма и сухой догмы, была не только его творческим методом, но и образом мыслей, его состоянием, его внутренней сущностью. Он не был поэтом "для всех" и, как видно, не стремился к этому. Он писал для тех, кого, как и его самого, волновали темы духовности. Он верил в божественное предназначение поэта, в то, что вдохновение даровано свыше, верил в свою миссию Пророка, призванного открывать людям "очи, обращенные внутрь". Как бы то ни было, Уильям Блейк прошел его до конца, чтобы осветить дорогу тем, кто пойдет за ним следом. Итогом его пути стали его произведения как путеводные маяки для искателей, желающих подняться из косных и слепых идей, убеждений и условностей к высотам Духовности.

Уильям Блейк за свою жизнь успел создать огромное количество произведений в области живописи и литературы. Причем надо заметить, что в отличие от других художников кисти и слова, его творческое мастерство с возрастом не шло на убыль, а наоборот совершенствовалось. К концу жизни из под его пера и кисти выходили действительно шедевры его творчества, например, произведение "Лакоон" или иллюстрации к "Божественной комедии" Данте, где Уильям Блейк проявлял и глубину литературной мысли, и легкость во владении кистью, чего не наблюдалось за ним ранее.

В истории мировой литературы Уильяма Блейка принято считать первым английским поэтом-романтиком. Поражает невиданный колорит настроений автора, его непредсказуемость и неспособность понять и вместить в нас все то, что он выражал собой. Иногда у него проскальзывают мятежные настроения, и тут же они переходят в религиозный мистицизм. Его лирические мотивы сочетаются с образной мифологией и символикой. Его невинное радостное восприятие мира переходит впоследствии в некий мистицизм столкновения сил Добра и Зла, Неба и Ада. Его мифологическая система сложных символических образов и иносказаний долгое время оставалась непонятой и считалась не поддающейся какой либо расшифровке. Лишь сейчас ученые начинают подбираться к разгадке.

Признание Блейка

Считается, что в 1863 году положено начало признания Уильяма Блейка и роста интереса к нему. В это время Александром Гилкристом была опубликована биография "Жизнь Блейка". Вскоре после этого были изданы никогда не публиковавшиеся ранние стихотворения Блейка, проявившего его как лирический поэт-романтик. Обнаруженные впоследствии гравюры Блейка, также ранее неизвестные, в огромной мере повлияли на развитие так называемого стиля "модерн". В 1893 году Иитс вместе с Эллисом выпустили в свет трехтомное, на ту пору самое полное издание произведений Блейка, сопроводив его краткой биографией поэта. Однако настоящий интерес к творчеству и личности Блейка начался в двадцатом столетии. В 1966 году вышло "Полное собрание сочинений Уильяма Блейка". Блейк открылся миру не только как апокалипсический прорицатель, каким его привыкли считать, но и как автор остроумных эпиграмм и афоризмов, как оригинальный мыслитель и критик, намного опередивший свой ортодоксальный, закосневелый век.

Что касается России и стран бывшего СССР, то имя Уильяма Блейка стало

известно широкой публике лишь с 1957 года, после того, как весь мир отметил двухсотлетие со дня его рождения. Его произведения стали тогда появляться и в периодической печати, и в отдельных сборниках. Издавался Блейк сравнительно редко, а многое из его творчества никогда не переводилось на русский язык. Остается надеяться, что с течением времени будет переведено все наследие его творчества.

Детство

Уильям Блейк родился в Лондоне 28 ноября 1757 года в семье мелкого лавочника. К тому времени у Джеймса уже был один сын, Джон, в детстве

любимец отца и матери, однако впоследствии ставший "паршивой овцой" в семействе. За Уильямом следовали Джеймс-младший, который всю жизнь будет донимать Уильяма докучливыми советами о том, как нужно зарабатывать на жизнь, и Роберт, любимый брат Уильяма. Далее шла девочка, о которой почти ничего не известно.

Дети росли в атмосфере свободомыслия — явление достаточно необычное для семьи мелкого лавочника. В то время в Англию начали проникать идеи Сведенборга, и лавка торговца трикотажными изделиями была одним из тех мест, где эти идеи находили сочувственный интерес. Пророчества и мистические видения, это новое увлечение просвещенных европейских умов, были обычной темой бесед за вечерним чаем в доме лавочника Джеймса Блейка, и маленький Уильям внимал им затаив дыхание.

Одно из пророчеств запало в его душу особенно глубоко. Сведенборг в свое время утверждал, что старому миру приходит конец и что грядет новый мир, который, по его предсказаниям, должен был наступить в 1757 году, начиная с которого все старые религиозные системы распадались, как картонный домик, и на земле наступала эра нового Иерусалима. Примерно в то же время у него стал проявляться удивительный дар воображения, наполнявшего ночную тьму призрачными лицами и фигурами на фоне ярко-зеленых лугов с загадочными следами в траве. Он, должно быть, частенько подумывал, что такой необыкновенный дар не мог прийти к нему случайно, и воспринимал его как первый проблеск великого нового озарения. В последующие годы он называл свои видения посещениями Эдема.

Уже первое из видений Блейка представляется достаточно загадочным. "Бог приблизил свое чело к одному из окон их дома". Увидев лик Божий, Блейк, которому было всего лишь четыре года, испугался и издал пронзительный крик. Согласно другому авторитетному источнику, спустя некоторое время после этого он увидел на дереве, мимо которого шел, небесных ангелов, чьи блестящие крылья просвечивали сквозь листву. Согласно еще одному источнику, однажды ему привиделся Иезекииль, сидевший посреди лужайки на зеленой траве, а когда он вернулся с прогулки домой и рассказал об увиденном матери, та отшлепала его за досужие выдумки.

Родители не отдавали Уильяма в школу, и это лишь способствовало развитию в нем тех наклонностей, которые позднее приняли форму его великого призвания. Сложным было не только творчество Блейка, но и его характер. Общаться с ним было делом далеко не простым. Он был упрям и вспыльчив и мог в сердцах сказать что угодно и кому угодно, хотя успокаивался очень быстро. Известно его высказывание: "У тех, кому удастся сдерживать свои эмоции, они, видно, недостаточно сильны, чтобы их невозможно было сдержать". И в то же время он говорил: "Никогда не поймешь, что значит достаточно, пока не узнаешь, что значит чрезмерно". Ему была присуща категоричность в суждениях, и он никогда не стеснялся высказывать людям в лицо, что о них думает. Он был человеком глубоким и мудрым и в то же время наивным и простодушным, да и вообще в нем уживалось множество противоречий.

Получение образования

Отец ничем не ограничивал свободу Уильяма Блейка, и тот мог читать все, что попадало ему под руку, в том числе Сведенборга и даже Якоба Бёме, произведения которого в переводе с немецкого как раз выходили в ту пору. Хотя Блейк не получил систематического образования, знания приобретенные им дома под руководством матери, а также путем самообразования, были на удивление обширными и разносторонними. Он очень много читал – от Шекспира, Мильтона и Бена Джонсона до Библии, Сведенборга и Беме. Он сумел неплохо овладеть французским, итальянским, латинским, древнегреческим и древнееврейским языками, что давало ему возможность читать в подлинниках многих зарубежных авторов, как современных ему, так и древних. Об обширной эрудиции Блейка можно судить по его сочинениям, особенно прозаическим – полемическим и философским.

Блейк часто бывал на лоне природы, заполняя прогулками перерывы в своем интенсивном чтении. Бродя по загородным лугам и тропинкам, он много размышлял и многое замечал, накапливая в памяти живописные сельские пейзажи и мелодичные звуки, которыми впоследствии будет украшать свою поэзию. Отец Уильяма, видя, каким богатым воображением одарен его сын, решил отдать его в учение к живописцу, но мальчик, узнав, сколько денег нужно будет выложить за его ученичество, заявил, что это было бы несправедливо по отношению к его сестре и братьям, и попросил вместо этого определить его в подмастерья к граверу. И вот, после трехлетней или четырехлетней учебы в школе рисования некоего Парса, Блейк начинает работать подмастерьем у гравера по фамилии Бэзайр. Бэзайр был прекрасным мастером своего дела, но принадлежал к той школе гравирования, строгий и простой стиль которой начинал устаревать, уступая место более элегантному и причудливому, хотя и менее

чистому стилю, характерному для новых направлений гравировки. Бэзайр оказал огромное влияние на юного Блейка, до конца своих дней отзывавшегося о нем с неизменным уважением и восхищением.

Сначала Блейка собирались отдать к другому мастеру, Райлендсу, находившемуся тогда на вершине своей популярности, но, когда мальчика привели к тому в студию, он, увидев гравера, тихо сказал отцу: "Мне не нравится этот человек — у него лицо висельника". Предсказание Блейка сбылось: через двенадцать лет Райлендса повесили за подделки.

Блейк пробыл у Бэзайра два года, до тех пор пока между подмастерьями и хозяином не возник какой-то конфликт, в результате которого Бэзайр счел за благо удалить Блейка из их среды.

Регулярного образования Блейк почти не получил, и в этом еще одна причина его непонимания и неприятия современниками: восемнадцатый век привык к строгим, устоявшимся формам как в живописи, так и в литературе, и блейковская свобода, отвержение всяческих канонов и норм могли вызвать разве что недоумение.

Некоторое время спустя Уильяма отрядили в Вестминстерское аббатство, где он должен был срисовывать памятники, надгробия, колонны и другие архитектурные элементы церкви, и занимался он этим целых пять лет. На первых порах ему сильно досаждали вестминстерские студенты, пользовавшиеся тогда правом беспрепятственно бродить по аббатству. Постоянное состояние отрешенности, нетрадиционное поведение и необычные интересы юноши не могли не вызывать враждебного к нему отношения. Вестминстерские студенты постоянно донимали его насмешками, и вот в один прекрасный день, работая над рисунком высоко на подмостях, он перегнулся с того места, где сидел, и столкнул одного из насмешников с карниза, куда тот взобрался, чтобы оттуда было сподручней его дразнить. Несчастный студент грохнулся с высоты на каменный пол церкви, а Блейк, преспокойно спустившись с подмостей, отправился к декану Вестминстерского колледжа и подал официальную жалобу на обидчика. Студентам после этого случая было запрещено появляться в аббатстве. Но Блейк прекрасно умел умирять свой вспыльчивый нрав с помощью трезвой рассудочности, превращая кипевший в нем гнев в смиренного и послушного слугу. Вспоминается его двустишие:

Себе позволяя порою вспылить,
Ты страсти рассудку умей подчинить.

В то же время он считал, что подверженность гневу и умение ненавидеть — это лучше, чем равнодушие и мягкотелость, порожденные скептицизмом и трусостью. Мудрецу, бесстрастно доказывающему навязшую в зубах истину, он предпочитал глупца, с пеной у рта отстаивающего несусветную чушь, ибо "главное в человеке — это неравнодушие и живой блеск в глазах".

Искусство Блейк постигал, бродя под сводчатыми потолками Вестминстерского аббатства меж надгробий и памятников. Остроконечные башни и шпиль аббатства служили ему постоянным источником поэтического вдохновения и неоднократно встречаются на его рисунках.

Кэтрин Блейк

Обучение Блейка закончилось на двадцатом году его жизни, и с тех пор он сам начал выбирать себе темы для гравюр и рисунков. Вскоре после этого он познакомился с Фьюзели и Флэксманом, которые на всю жизнь станут его друзьями. Примерно в это же время Блейк начинает ухаживать за некой Полли Вудз, "прелестной девочкой", которую он часто приглашал с собой на прогулки, но дело кончилось тем, что она дала ему от ворот поворот. Знакомство с Полли оставило глубокий след в душе Блейка. Многие из его "символических женщин", в том числе изображенные на иллюстрациях к "Пророческим книгам", навеяны образом маленькой Полли. Этот тип женской красоты, беззащитной и в то же время безжалостной, нежной и в то же время эгоистичной, завораживал Блейка всю его жизнь, вызывая в нем смешанные чувства благоговейного страха и неподдельного восхищения.

Насколько нам известно, в жизни Блейка не было других женщин, кроме Полли Вудз и будущей жены Кэтрин. Что касается Полли, то он еще долго не мог оправиться от удара, каким явился для него отказ девушки видаться с ним. По свидетельству Тэтема, он так сильно любил Полли, что даже заболел, когда был отвергнут. Чтобы чаще бывать на свежем воздухе и поправить свое здоровье, он переезжает в Ричмонд, где поселяется в доме садовника Ваучера, выращивавшего овощи и фрукты для продажи на рынке. Там он и встречает девушку, которой суждено было стать его женой. Это была дочь Ваучера, хорошенькая девушка с сияющими глазами по имени Кэтрин. Каждый раз, когда мать спрашивала у нее, за кого она выйдет замуж, та отвечала: "Как я могу сказать, если я его ни разу не видела?" Однажды вечером, войдя в комнату, где собралась вся семья, она вдруг увидела красивого незнакомца с огненно-рыжими волосами (именно таким он выглядит на сделанном ею самою карандашном наброске). У нее даже дух захватило от неожиданности, и она едва не лишилась чувств, ибо сразу поняла, что увидела предназначенного ей судьбою мужа. Тут же она выскочила из комнаты, чтобы немного прийти в себя, а когда возвратилась, села рядом с Блейком, который поведал ей историю своей неразделенной любви к вероломной красавице, посетовал на ее непостоянство и сказал, что очень несчастен.

— Ах, как мне вас жаль! — воскликнула сердобольная Кэтрин.

— Вам меня жаль? — переспросил он и добавил: - Если б вы знали, как я вам благодарен за это!

Его большое чувство было отвергнуто, он чувствовал себя униженным, а потому был действительно благодарен этой незнакомой девушке за ее искреннее женское сочувствие. Благодарность такого рода часто перерастает в любовь. Именно так случилось и с Блейком, и любовь его к Кэтрин продолжалась всю его жизнь.

Блейк признается Кэтрин в любви и предлагает ей руку и сердце, после чего возвращается к своей работе гравера, решив, что не будет видаться с ней до тех пор, пока не отложит сумму, достаточную для приобретения собственного жилища. Спустя неполных двенадцать месяцев, 13 августа 1782 года, Уильям Блейк и Кэтрин Ваучер обвенчались и поселились в доме №23 на Грин-стрит, неподалеку от площади Лестер-сквер, называвшейся тогда Лестер-Филдз.

Новобрачная не умела ни читать, ни писать, а потому вместо подписи поставила в регистрационной книге крестик. Любящий муж принялся учить молодую жену грамоте, и она оказалась настолько способной ученицей, что уже через два-три года смогла начисто переписывать его рукописи. Нет ни малейших сомнений, что исписанные мелким, аккуратным почерком страницы, то и дело попадающиеся в его манускриптах,— это ее рук дело. Кроме того, она помогала ему раскрашивать книги, иллюстрированные его озарениями.

Детей у Блейков не было, но их отсутствие компенсировалось атмосферой взаимной любви и преданной дружбы, царившей в их доме. Днем они часто совершали долгие пешие прогулки вдвоем, причем расстояние, например, в тридцать миль не было для них чем-то необычным. Пообедав в какой-нибудь придорожной гостинице, они при неверном свете мерцающих звезд возвращались домой. А по ночам, когда какие-то неведомые силы поднимали его с постели и велели брать в руку перо, она вставала вместе с ним и сидела рядышком, держа его за руку.

Начало творческого пути

Через год после женитьбы Блейка вышла в свет его первая книга, "Поэтические наброски". Расходы на издание этого сборника оплатили Флэксман и кое-кто из тех друзей Блейка, которые входили в круг дилетантов-интеллектуалов. В предисловии к этому сборнику указывалось, что вошедшие в него произведения создавались на протяжении восьми лет, то есть начиная с того времени, когда автору было двенадцать лет, и заканчивая временем, когда он достиг двадцатилетнего возраста. Теперь же Блейку было двадцать шесть лет, а это означало, что последние шесть лет он хранил молчание. Он действительно ничего не написал за это время, переживая своего рода переходный период.

Видимо, он утратил интерес к чисто писательской работе, а передавать свои символические видения средствами музыкального языка еще не научился. Между тем его "Поэтические наброски" открыли целую эпоху в английской литературе, явившись первой ласточкой, с появлением которой в дотоле спавшей Англии начался настоящий взлет поэзии романтизма. В "Поэтических набросках" не было и следа мистицизма, так, певец в "Песне безумства" сравнивает себя с "демоном, затаившимся в облаке", и это не более чем метафора, но в более поздних и чисто мистических произведениях поэта мы уже читаем о "ребенке, сидящем на облаке" или о "моем братце Джоне, этом злом гении, окутанном черным облаком и издающем громкие стоны".

Первой книгой, написанной Блейком после шестилетнего молчания, был сборник "Остров на Луне", название которому дал теперешний владелец рукописи, мистер Марри, по запомнившейся ему фразе на ее первой странице. Книга эта, знаменующая собой начало мистического периода в творчестве Блейка, представляет собой сатиру на группу дилетантов и бездельников, имевших обыкновение собираться в доме миссис и мистера Мэттью. В то же время в книгу входит несколько прекрасных лирических стихотворений, которые по другим рукописям Блейка известны не были. Есть в ней и другие стихотворения, которые впоследствии были им включены в книгу "Песни невинности".

Граверное дело: "Иллюминированная печать":

В 1784 году, после смерти отца, Уильям Блейк меняет место жительства, поселяясь рядом с тем домом, в котором родился и который достался теперь в наследство его старшему брату Джеймсу. Взяв себе в партнеры некоего Паркера, одного из своих бывших товарищей-подмастерьев, Блейк открывает в своем новом доме мастерскую, совмещенную с магазином гравюр и эстампов. Кроме того, он начинает учить граверному делу младшего брата Роберта, обладавшего врожденным художественным талантом. В 1787 году у Роберта обнаруживается туберкулез, и вскоре он умирает. Блейк преданно ухаживал за больным, а последние две недели не отходил от него ни днем, ни ночью и в буквальном смысле не смыкал глаз. В момент смерти Роберта Блейк отчетливо увидел, как душа брата поднимается к потолку, "радостно хлопая в ладоши", а затем тает и исчезает. Больше он ему ничем не мог помочь и, свалившись от усталости, проспал три дня беспробудно. Позднее он говорил, что именно во время этих ночных бдений к нему впервые пришла идея нового способа гравировки, названного им "иллюминированной", или "декоративной" печатью.

Вскоре после смерти брата Блейк закрыл свою граверную мастерскую из-за разногласий с партнером и переехал на Поланд-стрит, где полностью посвятил себя новому увлечению, ставшему со временем главным делом его жизни. А предшествовал этому один странный случай. Как-то ночью к нему явилась призрачная фигура, напоминавшая очертаниями Роберта, и принялась давать ему чрезвычайно толковые и полезные советы — и о том, как гравировать его стихотворения на меди, и о том, как лучше всего их иллюстрировать, и о том, что иллюстрации и рисунки с орнаментом следует помещать на тех же страницах, что и стихотворения. Много лет спустя Блейк писал одному из своих друзей: "Я уверен, что наши друзья и родственники, ушедшие в мир иной, постоянно присутствуют рядом с нами, хотя мы далеко не всегда это чувствуем. Вот уже тринадцать лет как я потерял своего брата, однако каждый день и каждый час я

общаюсь с его душой и вижу его в своем воображении. Я всегда с большим вниманием выслушиваю его советы и даже сейчас пишу под его диктовку. Мне бы хотелось, чтобы ты разделил со мной убеждение, что смерть человека — это лишь шаг в Бессмертие, а руины, оставляемые Временем,— это фундаменты дворцов Вечности".

Блейк тут же принялся за работу, строго следуя указаниям духа. Незадолго до этого он написал несколько лирических стихотворений, которые впоследствии войдут в книгу "Песни невинности", и той же ночью он начал печатать их. В 1789 году, в период создания "Песен Невинности", Блейк, отчаявшись найти издателя для своих произведений, призывает на помощь свое мастерство гравера и прибегает к приему, называемому "иллюминированная печать": украшение рисунком тексты стихотворений гравировались обычным способом, а затем вручную раскрашивались. Поражает, с каким тщанием и насколько четко и аккуратно он наносил на медную доску тексты своих песен и пророчеств, а ведь ему приходилось выводить их в зеркальном отображении, да еще в обратном порядке.

У этого способа было важное преимущество — он давал полную "полиграфическую независимость" и позволял сохранить единство рисунка и текста, но был и серьезный недостаток: трудоемкость и, следовательно, ничтожное количество копий. Теперь немногие сохранившиеся "авторские издания" Блейка ценятся на вес золота, а в то время они вряд ли окупали вложенный в них труд. И все же Блейк на протяжении всей жизни продолжал гравировать все новые и новые экземпляры "Песен", продавая их по сходной (очень невысокой) цене немногочисленным заказчикам. Поначалу отдельной "книжкой" выходили "Песни Невинности", а после 1794 года Блейк объединил их с "Песнями Опыта", присовокупив к названию подзаголовок: "Показывающие два противоположных состояния души человеческой".

Эпоха песен Невинности

"Песни Невинности", создававшиеся в 1784—1789 годах, были задуманы и написаны как самостоятельное произведение, заключающее в себе законченную философскую систему, которая на тот момент была очень близка Блейку, но несколько позднее оказалась отвергнута и опровергнута в "Песнях Опыта". В этот период Блейк еще твердо придерживался библейских представлений, и его книга — своего рода гимн справедливому и милосердному Богу, который заботится о детях своих и страдает рядом с ними, дабы наставить их на путь истинной духовности.

"Песни Невинности" — цикл стихотворений, объединенных системой сквозных образов и символов, стихотворений светлых, радостных, проникнутых традиционными идеями христианства. Вера в милосердие Господа, в божественную защиту — одна из основных тем цикла. Чтобы проникнуть в

истинный замысел поэта, необходимо принять во внимание двуплановость каждого стихотворения: в них четко различаются цикл незамысловатых, прозрачных по содержанию стихотворений, где используются образы, понятные ребенку, однако, если взглянуть на стихи с другой точки зрения, оказывается, что каждый образ имеет еще и иной, чрезвычайно глубокий смысл, а ребенок, для которого написаны "Песни Невинности" — это Человек вообще. "Невинность" — это прежде всего инстинктивная, неосмысленная вера в Бога и, как следствие, близость к Богу. Ребенок, да и любой человек, пребывающий в этом состоянии, наделен особым рода "божественным видением", то есть причастностью к тайнам мира. Эта способность, по Блейку, и есть высшая мудрость. В своем трактате "Естественной религии не существует" (1788) Блейк назвал эту способность "поэтическим или пророческим видением". Земная жизнь человека, по Блейку, есть путь души из Вечности и обратно в Вечность. Душа, облекаясь в плоть на период своего земного существования, сохраняет память о Вечности, то есть Невинность, пока эту память не затуманит приобретенное знание. С другой стороны, земное существование есть отражение того, что происходит в Вечности: для Блейка это — и философская посылка, и художественный прием, во многом обуславливающий двуплановость каждого стихотворения. Описывая деревенский пейзаж, игры детей, молитву в соборе Св.Павла, Блейк постоянно напоминает, что на самом-то деле речь идет не о простых повседневных событиях, а о Вечной Жизни, отзвуки которой мы, смертные, можем уловить, лаская младенца или глядя шерстку ягненка, — если только нам хоть в какой-то степени даровано божественное видение.

Однако реальная земная жизнь — юдоль не только радости, но и скорби, поэтому "Песни Невинности" полны равно и радости, и страдания. Душа радуется, ибо хранит память о Вечности, но плоть обречена страдать. "Песни Невинности" описывают и веселье, и горе, но все же светлые мотивы преобладают в образном строе цикла, поскольку речь в нем идет о счастливом и беспечальном "состоянии души человеческой", о божественной защите, об одухотворенности земного мира.

Эпоха песен Опыта

Создание "Песен Невинности" было завершено в 1789 году, и на тот момент Блейк рассматривал этот цикл как цельное, законченное произведение. Однако бурные, грандиозные события и в области политики, и в области духовной жизни, которые потрясли мир в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII века, не могли остаться вне внимания поэта. Третья книга Блейка, "Бракосочетание Неба и Ада", вышла в 1790 году. В этом произведении начинает звучать новая нотка, ранее не свойственная творчеству Блейка — нотка бунтарства и неистовства. В 1793 году из-под печатного пресса Блейка вышли целых пять книг: "Видения дочерей Альбиона", "Америка", "Европа", "Врата Рая" и "Книга Уризена", а в 1794 году - "Песни опыта" - явившиеся результатом духовного кризиса.

"Песни Опыта" появились в виде поэтического цикла в 1794 году. В отличие от "Песен Невинности" они никогда не гравировались отдельно, что лишний раз доказывает зависимое положение второго цикла. Коренное изменение философских взглядов натолкнуло Блейка на мысль о создании ряда "сатирических" стихов (слово "сатира" употреблено здесь достаточно условно, имеется в виду развенчание автором своих же более ранних взглядов).

Если ранние взгляды Блейка можно условно определить как "христианские", его новую концепцию с той же долей условности можно назвать "натуралистической". Раньше внимание поэта почти полностью было сосредоточено на внеземном существовании души, на идиллической Вечности, отголоски которой можно наблюдать в некоторых земных проявлениях, однако божественное было отделено от земного достаточно четкой гранью: достижение

полной гармонии, духовного идеала возможно только в Вечности, а земная жизнь в силу своей "скованности" плотью является юдолью горестей и слез. Теперь же Блейк коренным образом меняет точку зрения и переносит свое внимание именно на земную реальность. Земные скорби не вызывают у него более мысли о воздаянии в будущем, скорее протест: жизнь могла бы быть идеальна и на земле, но земля обременена духовными оковами, которые необходимо сбросить — и тогда произойдет духовный Апокалипсис и пришествие земного Рая. Мир задуман как совершенный, но дух человеческий пребывает во лжи и притворстве — такова новая философия Блейка. И задача Поэта — теперь уже не пастушка с дудочкой, но Барда, ясновидца, пророка — показать людям путь к освобождению Духа.

В "Песнях Опыта", безусловно, содержится достаточно едкая, "сатирическая" насмешка над светлым, лучезарным – и абсолютно неправдоподобным – миром "Песен Невинности", и в этом смысле второй цикл несет на себе печать разочарования. Однако это не есть разочарование в жизни вообще, скорее, разочарование в былых идеалах. Блейк называет свое бывшее видение "однобоким", свои идеи "ограниченными", но отнюдь не неверными. Опыт не отрицает Невинности, но отводит ей лишь отдельное место одного из аспектов многообразия мира. Идеалом Блейка становится "Опытная Невинность", сочетающая чистоту с раскрепощением, святость с отсутствием притворства и ханжества, инстинктивное "божественное видение" с приобретенным знанием.

Манифестом натуралистических взглядов Блейка стала его книга "Бракосочетание Неба и Ада" (1790). Достаточно трудно с точностью определить жанр этого произведения – это одновременно и философский трактат, и свод афоризмов, и стихотворение в прозе. Как заявлено уже в самом названии, "Бракосочетание..." посвящено полемике с каноническим христианством. Развивая богоборческую традицию, Блейк объявляет несостоятельной общепринятую христианскую концепцию Добра и Зла. Добро (Небо, Рай) становится у Блейка пассивным, всеприемлющим, а потому нетворческим, не способным к развитию началом; напротив, мятежное Зло (Ад) видится ему началом активным, созидающим, ибо именно оно, ломая традиционные представления, движет развитием. Добро олицетворяет духовный застой, а Зло — метания и борения духа, без которых невозможно движение мысли. Воображение, которое Блейк считает высшей способностью человека, несомненно, исходит из Ада. Небо олицетворяет порядок, рациональность, догматизм; Воображение же ничем не сковано, хаотично и абсолютно иррационально. Традиционное Зло становится в "Бракосочетании..." символом духовной свободы, творческой энергии, преобразующей мир, а традиционное Добро — символом пассивности и догматизма. Однако Блейк остается верен своей диалектике и утверждает, что два противоположных начала не могут существовать друг без друга и только их сосуществование, "бракосочетание" ведет к подлинной духовности.

Творчество в XIX веке

"Богоборческий" период духовного пути Блейка с его бунтарством, всеотвержением и максимализмом оказался непродолжительным. За ним последовал глубокий кризис и — как его результат — длительное молчание, полный отказ от публикации своих произведений. Духовный кризис вернул Блейка к мысли о Боге, о Невинности, но уже в ином ее понимании. Сведенборгианство было отринуто раз и навсегда, и представления о земном мире как реплике мира небесного оказались для Блейка более неприемлемыми. Теперь он рассматривает само создание материального мира как составную часть и непосредственный результат Грехопадения, из чего следует, что плоть по сути своей противоположна духовной субстанции и, следовательно, изначально греховна. Идеалами Блейка последовательно становятся не зависящая от внешнего мира внутренняя гармония и лишенная всяческого материального воплощения духовность, противоположная всему плотскому. С этих позиций написано, в частности, стихотворение "К Фирце", которое Блейк в 1804 году прибавил к "Песням Опыта".

Особое место среди произведений Блейка этого периода занимает стихотворение "Путем Духовным" (написано октябрь 1800 г.). Это своего рода духовная автобиография поэта и одновременно духовная биография человечества. Блейк описывает зарождение, торжество и упадок всякой идеи и параллельно показывает, как развивались и изменялись его собственные взгляды. Для читателя это произведение имеет совершенно особый смысл, поскольку бросает яркий свет на внутренний мир Блейка, прослеживая почти все этапы его духовного развития и позволяя увидеть глазами поэта все шаги по пути

постижения "человеческой сущности", запечатленные в его творчестве.

Жизнь и творчество в XIX веке (1804-1827 гг)

В 1804 году Блейк возвращается в Лондон и, поселившись в доме на улице Саут-Молтон, начинает работать над гравированием своих поэм "Иерусалим" и "Мильтон". Эти две вещи, если не считать незаконченной драмы "Призрак Авеля", написанной задолго до этого, но появившейся в печати лишь в 1822 году, были последними поэтическими произведениями, опубликованными самим Блейком. До конца своей жизни он продолжает искать покупателей на эти и другие свои поэмы, входящие в "Пророческие книги", но желающих их приобрести находится очень немного. Писать он, однако, не прекращал никогда.

Начиная с этого времени Блейк полностью иллюстрирует все свои произведения. Он пришел к убеждению, что Свет Небесный, столь долго не виденный им, "как если бы скрываемый от меня дверьми или оконными ставнями", вновь низошел на него, и это было началом длительного и плодотворного творческого периода. Ему таки удалось одолеть "призрачного демона", который сковывал его талант и гасил его вдохновение.

В 1822 году, по заказу мистера Линнелла, Блейк создает целый ряд великолепных акварельных иллюстраций к поэме Джона Мильтона "Потерянный Рай", взяв за их основу, как это бывало и раньше, свои собственные видения и озарения. По прошествии трех лет, в 1825 году, он приступает к работе над иллюстрированием "Божественной комедии" Данте — и снова-таки через посредство своего верного друга Джона Линнелла. Полный цикл иллюстраций предполагалось сделать очень большим, но Блейк успел выполнить только часть акварельных эскизов и семь гравюр. Одна из них, "Франческо и Паола", столь совершенна и настолько трогает душу своей нежной и в то же время возвышенной красотой, что, хотя бы раз увидев ее, уже никогда не сможешь ее забыть. Если бы Блейку удалось закончить весь цикл полностью или хотя бы завершить работу над теми ста двумя эскизами и семью гравюрами, которые остались незаконченными, то эта работа, без всякого сомнения, стала бы вершиной его творчества. Увы, судьба предначертала ему пройти через "жемчужно-золотые врата", как он называл Врата Рая, еще до того, как его рука с кистью успела проделать хотя бы половину пути вслед за Данте в странствиях этого великого мистика по загробному миру.

Радостное умирание

В 1827 году с Блейком случился приступ какой-то странной болезни, заключающейся в сильном недомогании, слабости и лихорадочной дрожи, и он почувствовал, что жить ему осталось недолго. Вот что он писал об этом в письме к одному из друзей: "Я побывал у самых Ворот Смерти и возвратился оттуда дряхлым, немощным стариком, с трудом передвигающим ноги, но дух мой от этого не стал слабее, а воображение — бледнее. Чем немощней мое глупое, брренное тело, тем сильнее мой дух и воображение, коим жить вечно".

"...Флэксмана уже нет, ушли из жизни и многие другие, а вскоре и нам предстоит отправиться вслед за ними туда, где для каждого из нас приуготовлена Вечная Обитель. И тогда мы избавимся от тех ложных истин и представлений, которые внушила нам Богиня Природа, диктуя свои земные законы, и обретем подлинную свободу духа, так что каждый из нас станет сам себе королем и священником. Бог дарует нам свободу, когда мы еще на земле, но пользуемся мы ею только на Небесах".

Принято считать, что судьба у Блейка была очень трудной, даже трагической, но сам он воспринимал свою жизнь совершенно иначе и ничего трагического в ней не усматривал. "Я более известен своими произведениями на Небесах, чем на земле,— писал он. — Мой мозг и моя память переполнены давними книгами и картинами, которые я создал еще тогда, когда пребывал в Вечности, то есть до появления на Земле в своем нынешнем, смертном облике. Мои творения в те времена были предметом восхищения и изучения небожителей". Блейк был уверен, что прожил счастливую жизнь. Годы, отпущенные ему на Земле, он занимался любимым делом, и рядом с ним была женщина, которую он любил и которая была постоянным источником его вдохновения. Однажды, всего за

несколько месяцев до смерти, когда он увлеченно работал над иллюстрациями к «Божественной комедии» Данте, он вдруг прервал работу и сказал, обращаясь к жене:

— Послушай, Кейт, мне хотелось бы написать твой портрет. Но не надо переодеваться и прихорашиваться — оставайся такой, какая ты есть. Ах, Кейт, ты всегда была для меня идеалом женщины и моим ангелом-хранителем.

Блейк радостно жил и, как это ни парадоксально звучит, радостно умирал — с песней на устах, в буквальном смысле этого слова. За несколько дней до смерти он сочинил несколько песнопений во славу Создателя, и, лежа на смертном одре, вдохновенно их исполнял неожиданно окрепшим голосом. Они показались Кэтрин столь красивыми и мелодичными, что она встала и подошла поближе к кровати, чтобы лучше слышать, как он поет. Пение мужа, уходившего от нее в бесконечную Вечность, было необыкновенно красивым, а мелодия возвышенной и благозвучной.

И тогда Блейк, нежно взглянув на нее, проговорил:

— Любовь моя, это не мои песни, это песни моей бессмертной души... Да, моей бессмертной души.

А затем он сказал ей, что они никогда не расстанутся, что их души будут, как и прежде, постоянно общаться и что он всегда будет рядом, чтобы оберегать ее. В воспоминаниях еще одного близкого друга Блейка мы читаем: "Помолчав, он сказал, что отправляется в страну, которую мечтал увидеть всю жизнь, а потому умирает счастливым, надеясь на спасение души и вечное блаженство в мире ином. За несколько минут перед смертью лицо его просветлело, глаза зажглись ликованием, и он запел о Рае, который столько раз являлся ему в видениях". "Казалось, вместе с ним поют стены и своды комнаты,— вспоминает другой его биограф, Тэтэм.— "Так умирают святые", проговорила женщина, пришедшая помогать жене Блейка".

Его глаза сияли радостью, лицо было счастливым и просветленным: он возвращался в Рай, из которого был изъят Господом на семьдесят лет своей земной жизни. Миссис Блейк и в самом деле казалось, что ее Уилл где-то рядом, а порой она явственно слышала его голос - как будто он зовет ее из другой комнаты. И все же тоска по мужу вскоре свела ее в могилу. Смерть Блейка была почти никем не замечена. Те, кто был знаком с его творчеством или с ним лично — а таких было немного — считали его человеком одаренным, хотя, несомненно, безумным.

Все рисунки, гравюры и неопубликованные произведения мужа (а их было столь огромное количество, что одних только готовых к печати рукописей набралось бы на добрую сотню томов) Кэтрин оставила Тэтэму, который и после смерти Блейка не прекращал с ней дружеских отношений. Но Тэтэм, принадлежал к так называемой Ирвингитской церкви и заклеил оставленное ему творческое наследие Блейка как "внушенное дьяволом" и за два дня сжег всё дотла. Но странное дело: Тэтэм в то же время является автором превосходнейшей биографии Блейка, в которой с восхищением пишет о его возвышенном и гибком уме, о его замечательном даре вести глубокую и увлекательную беседу, о его обширных и разносторонних знаниях. Если бы Тэтэм понимал, какую огромную

ошибку совершает, беря на себя право распоряжаться судьбой гениальных творений, принадлежащих не ему одному, а всему человечеству, то не осмелился бы их уничтожить, и мы сегодня имели бы возможность читать такие произведения Блейка, как эссе "О восприятии Книги Бытия христианским визионером", случайно сохранившийся отрывок из которого поражает своей глубиной и оригинальностью, или "Книга лунного сияния" об эстетических и философских проблемах искусства, также представляющая очень большой интерес, или множество поэм и стихотворений, даже названий которых не сохранилось. А сколько прекрасных акварелей и гравюр нам никогда уже не увидеть!

спасибо **Infinity**